

НАША ШКОЛА

Яков Львович Коломинский

Прежде всего необходимо как-то определиться с самим понятием «школа», школа в науке.

Как всегда, начнем со словарных определений. В Большом толковом психологическом словаре Артура Ребера содержится такое определение: «Школа. Помимо очевидного значения, свободно организованная группа ученых или исследователей, чьи подходы к области исследования подчинены определенной доктрине и структурированы вокруг определенной теоретической точки зрения. Часто школа связана с теорией одного человека, например, фрейдистская школа; однако направление обозначается без эпонима, например, гелльштат-школа» [1]. В словарях моих добрых знакомых Л. Кандыбовича и А. Свентицкого этот термин отсутствует. Естественно, возникает вопрос: в каком смысле используется это понятие в нашей книге? Под моим руководством защищено пока 50 кандидатских, а еще по восьми докторским я был консультантом. Помнится, когда мне говорили: «Яков Львович, у Вас целая школа!», я отшучивался: «Школа – может быть, но детский сад – точно».

Нет также никакого определения научной школы в большой книге «Теории, критические анализы, школы, концепции» [2]. Понятно без объяснений? Так, да не так. Коллеги, которые знакомились с проектом этой книги до ее издания, считают, что ее следовало назвать «Школа Коломинского». Что меня сдерживает? Наверное, природная скромность.

Итак, школа существует. Я думаю, что согласно приведенному словарному определению, это свободно организованная группа исследователей, чьи подходы определены руководителем и структурированные вокруг общей теоретической платформы.

Если попытаться конкретизировать, можно сказать, что это педагогическая социометрия, то есть исследования с использованием социометрических методик, но может быть, главное – это исследования в русле возрастной социальной психологии. Недаром Г. М. Андреева, с которой мы на всяких съездах и совещаниях перебрасывались шутливыми посланиями, как-то написала:

*«Но тут поднялся Коломинский
И так сказал: а мы вот в Минске
Пойдем совсем другим путем:
Начнем от матери с дитем».*

И еще направление: психологическая культурология и борьба за включение психологии в учебные планы средней школы. Соответствующую книгу я уже издал: «Основы психологии. Учебник для учащихся старших классов и студентов первых курсов высших учебных заведений» [3]. Конечно, это и педагогическое взаимодействие в системе «учитель-ученик» ...

Школа – это связь, а связь имеет обыкновение трагически прерываться. Трагедией для меня был уход из жизни моего учителя – Лидии Ильиничны Божович... Потом пришло время и для трагедий другого рода: уход из жизни учеников, которые всегда были моими друзьями. Первым был Николай Александрович Березовин. Наша с ним книга «Учитель и детский коллектив. Психолого-педагогические исследования» вышла в издательстве БГУ в 1975 году. Потом последовали долгие годы дружбы и сотрудничества. А совсем недавно ушел из жизни и мой научный соратник Анатолий Александрович Амельков. Его последняя книга «Основы психологии межличностного взаимодействия в малой группе» вышла в Мозыре в издательстве «Содействие» в 2014 году. Фрагмент из этой работы я хочу поместить в эту книгу.

У многих теоретиков-«наукотцев» отношение к психологии весьма неоднозначное. В книге Джека Фосфера «Откуда берутся идеи» сказано: «Психология, экономика и социология еще ждут своего Дарвина, а тот в свою очередь, ждет своего Эйнштейна» [4, с. 47]. Я думаю, что нам надо не ждать, а работать. Начнем, пожалуй, с педагогической социометрии. Впрочем, еще одно лирическое отступление.

Диада «научный руководитель – аспирант» – это, конечно, улица с двусторонним движением. Аспиранты и соискатели относятся к своему руководителю не просто с почтением, а с волнением и преданностью. Они радуются, когда читают положительные отзывы о своем учителе, когда встречают его имя во всевозможных справочниках и словарях наподобие «История психологии в лицах: персоналии / ред. Л. А. Карпенко. – М. : Per Se. – 2005. – 783 с.». Кстати, в этой книге я почти рядом с моим добрым товарищем И. С. Коном, который как-то пытался излечить меня от излишнего волнения за своих учеников. Он рассказал такую поучительную историю. У одного профессора был аспирант узбек, который, молитвенно сложив руки, называл его «муалим». И вот прошла успешная защита. Уже на выходе профессор обратился к нему: «Ахмед, я забыл в зале свою папку. Вернись и принеси ее, пожалуйста». «Ты муалим, и я уже муалим. Сам иди за своей папкой» – был ответ. В моей практике ничего подобного не было.

А вот еще одна из подобных книг: «Словарь персоналий. Психологи от А до Я». Здесь обо мне статья, размещенная между публикациями о В. Н. Колбановском и И. С. Коне, в которой сказано: «Его исследования и экспериментальные работы положили начало возрастной и педагогической социальной психологии, центральным предметом которой является развитие и формирование личности на основных стадиях онтогенеза в процессе общения и совместной деятельности» [5, с. 65].

О таких книгах мои ученики сообщают мне с восторгом. А вот еще одна подобная книга. Ее авторы В. А. Сонин и Л. М. Шлионский. Здесь в статье про меня сказано: «Известный отечественный социальный психолог... Один из основателей современной отечественной возрастной и педагогической психологии...» [6]. Что ж, ученикам приятно.

Особое впечатление произвел на меня посвященный моему 80-летнему юбилею номер журнала «Диалог», вышедший в декабре 2013 года под номером 12. Узнал из него о себе много нового, и о нашей школе, конечно. Мой замечательный ученик, профессор Л. А. Пергаменщик в своей статье «Сорок лет вместе» даже эпиграф предпослал из А. Ахматовой «А тот, кого учителем считаю...». Он признается, что писать поздравительный текст «одновременно и просто, и крайне сложно. Просто, так как за эти годы он (юбиляр) внес такой огромный вклад в развитие психологии, что только из перечисления его книг, должностей, подготовленных им кандидатов и докторов наук получится вполне достойный список. И сложно, т. к. юбиляра в психологическом сообществе отлично знают, он уже давно носит титул «живой классик», поэтому добавить что-то к знаемому очень трудно, а отметитья дежурными фразами просто неприлично – сам юбиляр неизменно отличается изысканностью речи».

К сказанному я не могу не добавить один эпизод. Дело было в Краснодаре, в университете. Мы шли с моими спутниками по широкому коридору, и кто-то из многочисленных студентов сказал: «Смотрите, вон идет живой Коломинский». Я грустно улыбнулся и ответил: «Уже полуживой». Усталость накопилась.

В этом же «Диалоге» волнующая меня почти до слез статья моей дочери, кандидата психологических наук, доцента Ольги Яковлевны «Праздник, который всегда со мной». Далее

статья докторантки и заведующего кафедрой нашего института психологии Е. И. Комковой. Она пишет: «Его экспериментальные и теоретические исследования положили начало новой отрасли советской психологической науки – возрастной и педагогической психологии, центральным предметом которой является развитие и формирование личности в группах и коллективах на основных стадиях онтогенеза в процессе общения и совместной деятельности... Я часто задаю себе вопрос: почему люди приходят в детскую психологию? По-видимому, это связано с особой предрасположенностью человека к самоизменению, с открытостью, способностью к непосредственному восприятию жизни. Скорее всего, внутри себя надо тоже быть ребенком, оставаться ребенком, как Яков Львович Коломинский».

Здесь я вспоминаю одну из поэтических задач, которые я задаю студентам: цитирую строки из Евтушенко: «И каждый – могила ребенка, которым когда-то он был». Согласны ли вы, дорогие студенты, а заодно и читатели, с поэтом?

Профессор детской психологии Елизавета Александровна Панько к своей статье «Большое видится на расстоянии» предпосылает такие поэтические строки:

*«Уходит взвод в туман, в туман,
А прошлое ясней, ясней, ясней».*

Спасибо Якову Львовичу за преданность детству...

Увлеченность, точнее, страсть юбиляра к социальной психологии, его научное чутье, высокая психологическая компетентность, позволяющие видеть горизонты науки, и, научная смелость, социальная одаренность сыграли, на мой взгляд, определяющую роль в зарождении и успешном становлении научной психологической школы Я. Л. Коломинского, ее авторитетности как в Беларуси, так и за ее пределами. Стихами она и завершает:

*Берегите нас, поэтов, берегите нас,
Остаются век, полвека, год, неделя, час
Три минуты, две минуты, вовсе ничего.
Берегите нас, и чтобы – все за одного!
Берегите нас с грехами, с радостью и без.*

А вот Анатолия Александровича Амелькова, о котором я уже вспоминал с печалью – не уберегли. Он в своей статье «Я. Л. Коломинский как полиролевая личность» отмечает, что у Я. Л. Коломинского «наиболее выражена во всех направлениях активности роль генератора идей. Обратившись к его монографиям, мы можем обнаружить множество идей, которые реализовывались им и его учениками на протяжении многих лет. А главным достижением Якова Львовича является создание своей школы, и огромное количество людей, которые учились у него, могут с гордостью сказать: «Он мой учитель».

Замечательный психолог В. П. Зинченко поздравил меня большой статьей «Безграничность бахтинского диалога». Начинается так: «Дорогой Яков Львович! Сердечно поздравляю тебя с юбилеем. Желаю здоровья, сил и мужества. Последнее необходимо, чтобы жить долго! Наш возраст, стаж знакомства, товарищество и дружба позволяют говорить: дорогой Яша, мы с тобой помним времена, когда XXI век казался чем-то далеким, неправдоподобным, нереальным, и, тем не менее, мы до него (или он до нас) добрались (или он до нас?) добрались, доехали, дотопали. И что же мы увидели? Пару пустяков! И все же не будем брюзжать: это лучше, чем ничего».

Володя был человеком необыкновенно остроумным. Вот хотя бы одно его высказывание: «Альцгеймер на пороге, а Нобеля все нет...». Увы! Нет уже и Володи.

Коллеги обратили внимание на оценку вклада нашей школы в социометрию. В книге известных московских психологов Р. Л. Кричевского и Е. М. Дубовской в книге «Психология

малой группы» сказано: «В советской социальной психологии большой вклад в развитие этого направления внес Я. Л. Коломинский, не только много сделавший в плане конструирования различных социометрических процедур, но, что весьма существенно, включивший эмпирический метод в содержательный теоретический контекст. Заметим, что последнее не имеет аналогов в западной социальной психологии, где применение социометрии как метода изучения межличностных, по мнению самих зарубежных авторов, давно уже «отвязано» от какой-либо теории» [7].

Что ж, у них «отвязано», а у нас связано и привязано. Пора приступить к делу. Так бы, пожалуй, сказал мой друг и ученик А. А. Полонников – редактор многих моих книг и соавтор по интервью о дочери Л. С. Выготского Гите Львовне Выготской. Я надеюсь, что и эта книга не обойдется без его пристального внимания и редактуры.

Литература

1. Оксфордский толковый словарь по психологии: в 2-х тт. ; под ред. А. Ребра. Т. 2. – М. : Вече АСТ, 2003. – 560 с.
2. Теории, школы, концепции (критические анализы). Художественный текст и контекст реальности. – М. : Наука, 1977. – 291 с.
3. Коломинский, Я. Л. Основы психологии : учебник для учащихся старших классов и студентов первых курсов высших учебных заведений / Я. Л. Коломинский. – М. : АСТ, 2010. – 352 с.
4. Фостер, Дж. Откуда берутся идеи / Дж. Фостер. – Минск : Попурри, 2013. – 192 с.
5. Словарь персоналий. Психологи от А до Я ; под ред. В. А. Сониной. – М. : Флинта, 1997. – 153 с.
6. Сонин, В. А. Классики мировой психологии. Биографический энциклопедический словарь / В. А. Сонин, Л. М. Шлионский. – СПб. : Речь, 2001. – 287 с.
7. Кричевский, Р. Л. Социальная психология малой группы : учеб. пособие для вузов / Р. Л. Кричевский, Е. М. Дубовская. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 318 с.